

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-11-2.11>

Томилов Игорь Сергеевич

ОТРАЖЕНИЕ ПРОМЫСЛОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ БЕРЕЗОВСКОГО УЕЗДА ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ.

В рамках настоящего исследования осуществлен анализ влияния промысловой деятельности на развитие духовной культуры автохтонов Березовского уезда Тобольской губернии на рубеже XIX-XX вв. Промыслы в жизни местного автохтона играли универсальную роль. Несмотря на национальные и географические особенности, они оказали влияние на все сферы жизни самоедов, остяков и вогулов. Имея изначально исключительно материальную ценность, продукты промыслов, животные и орудия лова с течением времени заняли значимое место и в культуре автохтонного населения Тобольского Севера. Это находило отражение в играх, развлечениях, изготовлении инструментов и пр.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2018/11-2/11.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2018. № 11(97). Ч. 2. С. 230-235. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2018/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

36. Петропавловский Н. Е. По Ишиму и Тоболу // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Омск, 1886. Кн. 8. Вып. 1. С. 1-90.
37. Пешков Д. Н. Путевые записки (дневник) от Благовещенска до Петербурга изо дня в день, с 7 ноября по 19 мая 1890 г., во время переезда верхом. СПб.: Тип. С. Добродеева, 1890. 104 с.
38. Плеханов Г. В. Сочинения / под ред. Д. Рязанова. Изд-е 2-е. М.: Государственное издательство, 1925. Т. 6. Н. Г. Чернышевский. 374 с.
39. Розен А. Е. Записки декабриста. СПб.: Тип. Товарищества «Общественная польза», 1907. 464 с.
40. С. О. Макаров и завоевание Арктики: мат. и док. о С. О. Макарове и ледоколе «Ермак» / сост. Д. А. Левоневский, отв. ред. проф. В. Ю. Визе. М. – Л.: Изд. Главсевморпути, 1943. 332 с.
41. Телешов Н. Д. За Урал. Из скитаний по Западной Сибири: очерки. М.: Тип. «Товарищество И. Д. Сытина», 1897. 214 с.
42. Титов А. В. Где тонко – тут и рвется: заметка о Березовском крае // Подорожник. 2002. Вып. 1. С. 87-97.
43. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 18-ти т. / Академия наук СССР, Институт мировой литературы им. А. М. Горького. М.: Наука, 1987. Т. 14. Из Сибири. Остров Сахалин, 1890-1895. 924 с.
44. Чукмалдин Н. М. Записки о моей жизни. М.: Типо-литография А. В. Васильева и К^о, 1902. 197 с.
45. Чукмалдин Н. М. Мои воспоминания // Особое приложение к газете «Русский труд» к № 12/13. 1899. С. 54-87.
46. Шухов И. Н. Река Казым и ее обитатели // Ежегодник Тобольского Губернского музея. 1916. Вып. 26. С. 1-51.

**SOCIAL LIFE OF TOBOLSK PROVINCE RESIDENTS
IN THE SECOND HALF OF THE XIX – AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY
IN THE DOMESTIC MEMOIRISTICS**

Tomilov Igor' Sergeevich

*Tobolsk Complex Scientific Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
igor.tomilov.85@mail.ru*

The article provides the source analysis of the epistolary works describing the history of the everyday life of Tobolsk province residents of the second half of the XIX – the beginning of the XX century. Due to its geographical location the mentioned region served as a link between European and Asian Russia. It should be noted that there are only a small number of the publications of this period referring to Tobolsk province: remoteness and spaciousness of the region, severe climatic conditions and unsatisfactory transport infrastructure did not encourage scientific research of the province. In this context the author's external vision of the citizens' everyday life is a unique phenomenon.

Key words and phrases: social life; citizen; Tobolsk province; memoirs; travel.

УДК 93/94; 39(571.1):639(091)

Дата поступления рукописи: 03.10.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-11-2.11>

В рамках настоящего исследования осуществлен анализ влияния промысловой деятельности на развитие духовной культуры автохтонов Березовского уезда Тобольской губернии на рубеже XIX-XX вв. Промыслы в жизни местного автохтона играли универсальную роль. Несмотря на национальные и географические особенности, они оказали влияние на все сферы жизни самоедов, остяков и вогулов. Имея изначально исключительно материальную ценность, продукты промыслов, животные и орудия лова с течением времени заняли значимое место и в культуре автохтонного населения Тобольского Севера. Это находило отражение в играх, развлечениях, изготовлении инструментов и пр.

Ключевые слова и фразы: промысел; культура; автохтон; Березовский уезд; обрядность; предмет.

Томилов Игорь Сергеевич

*Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения Российской академии наук
igor.tomilov.85@mail.ru*

**ОТРАЖЕНИЕ ПРОМЫСЛОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ КОРЕННОГО
НАСЕЛЕНИЯ БЕРЕЗОВСКОГО УЕЗДА ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ.**

*Статья подготовлена при финансовой поддержке ФАНО России в рамках темы ФНИ № 0408-2018-0003
«Динамика социокультурных процессов в Западной Сибири как полиэтничном регионе в XVIII – начале XX в.».*

Актуальность исследования вытекает из необходимости комплексного изучения промысловой деятельности коренного населения Березовского уезда Тобольской губернии в обозначенных временных рамках. Невозможно изучать занятия населения в отрыве от культурной и духовной жизни инородцев. Вместе с тем актуально и обращение к историческому прошлому в связи с современными процессами повседневности малочисленных народов Тюменского Севера, где обрядовая и культурная сторона продолжают играть существенную роль в быту коренных жителей.

Новизна работы заключается в проекции процессов и результатов традиционных промыслов автохтонов на их религиозные верования, тенденции духовной жизни и культурных особенностей. До настоящего времени это не являлось целью научных исследований.

Цель – изучение промысловой деятельности коренного населения Березовского уезда на рубеже XIX-XX вв. в зеркале сакрально-культурных рамок повседневности индигенов. Поставленная цель определила следующий круг задач:

- выявить элементы занятий коренного населения Тобольского Севера в духовной культуре жителей;
- проанализировать досуговую деятельность автохтонов для определения влияния на нее промысловых аспектов жителей;

- охарактеризовать степень влияния традиционных занятий инородцев на их религиозно-культурную жизнь

Промыслы играли ключевую роль в существовании коренного населения Березовского уезда второй половины XIX – начала XX в. Оленеводство, рыболовство, охота и некоторые другие занятия служили источником питания, сырья для изготовления одежды, жилищ и иных материальных объектов. Значение промыслов было настолько велико, что их элементы интенсивно проявлялись в духовной культуре автохтонов.

В первую очередь это касалось религиозных верований и обрядов. В частности, у остяков существовал целый обрядовый комплекс, представлявший собой моление о благополучном промысле – «пари». Ритуал его проведения был различен в зависимости от целей и значения. Так, перед выходом на рыболовство (в период ледохода) приносили жертву покровителю воды Инк-Ики: набитое сеном чучело из шкуры теленка или овцы опускали под лед, после следовало гадание в ведре воды. В другом варианте совершали жертвоприношение в честь богини Чарас-Най¹: для хорошего улова и убыли воды поджигали плот с шестом с привязанными приношениями и пускали его по течению. Свои отдельные обряды проводились также для удачи на охоте, в собирательстве и т.д. (Рис. 1) [4, с. 49-50].

Рисунок 1. Жертвенное место самоедов, начало XX в. [5, с. 225]

Помимо этого практиковались специфические ритуалы по географическому признаку. Они были присущи инородцам, проживавшим в определенной местности уезда. Например, кондинские остяки, приходя на место предстоящего звериного промысла, «угощали» здешнее божество-покровителя. Как правило, на пень (землю) ставили рюмку или чашку с водкой, рядом клали часть своих съестных припасов. Затем следовало приглашение «хозяину» угощаться и высказывалась просьба о хорошем улове. Аналогичное подношение перед звероловством местным божествам делали и казымские остяки (обитатели р. Казым, левого притока Оби, устье – около села Полноват рядом с городом Березов). Для этого коллектив охотников приносил в жертву жеребенка или оленя, а охотник-одиночка вешал на дерево шелковый лоскут и другие подношения. Существовал особый ритуал казымцев перед рыболовным промыслом: троекратная групповая поездка на лодке, а затем жертвоприношение животного. В случае неудачного промысла автохтоны заклятие повторяли [Там же, с. 52].

Наряду с шаманизмом практиковался и тотемизм. В качестве животных – покровителей рода у остяков выступали волк (*Canis Lupus*), лисица (*Canis Vulpes*), соболь (*Mustella zibellina*), у самоедов – помимо перечисленных – также ряд птиц. Тотемы в форме животных часто выплавляли из олова и меди. Ими часто украшали одеяния идолов. Особое место в верованиях инородцев занимал медведь (*Ursus arctos*, или медведь обыкновенный). Его нередко принимали за божество, а убить «хозяина тайги» одновременно считалось и почетно и греховно. Самоеды (Рис. 2) считали его злым богом, наносившим вред стадам оленей. Были популярны особые обряды для удачной охоты и «снятия скверны» от убийства медведя, при приготовлении мяса и др. Продукты охоты неизменно становились частью праздников, отправления религиозных культов и т.д. Одежды из шкур медведей инородцы не шили, но к медвежьему меху относились с огромным уважением и почтением. Выбор какого-либо животного для поклонения определяли исходя из его природной (естественной) силы и красоты, которыми зверей, по верованиям автохтонов, одарили сами боги [8, с. 55].

¹ Чарас-Най – «Огненное море», дочь Верховного бога хантыйского пантеона Торума, по преданию остяков, родившая первых людей.

Рисунок 2. Низовые самоеды, конец XIX в. [4]

Остяки и самоеды часто отдавали в дар богам лучшие из добытых ими шкурок. Некоторое время инородцы украшали шкурками и кожами ценных зверей деревья в лесных массивах. Однако со временем такие бесхозные дары богам стали пропадать – их забирали проезжавшие мимо казаки и другие представители пришедшего населения. Тогда автохтоны начали изготавливать деревянные чурбаны (небольшие бревна и прочие изделия), украшать их и хранить в тайниках. Среди богов в отношении промыслов наиболее почитался Ортик. Дары ему были столь значительными, что в период неудачной охоты инородцы даже брали у бога «взаймы» меха для уплаты ясака, которые ранее сами же и подносили [9].

В начале XX в. на Ямале перед охотой было окуривание охотников, отправлявшихся на промысел [5, с. 229].

Рисунок 3. Каменные самоеды, начало XX в. [4]

Около Обдорска практиковались жертвоприношения из рогов, сброшенных оленями. Также, по свидетельству местных жителей, остяки и самоеды (Рис. 3) «вступали в контакт» с водными божествами, совершая купания в святых источниках. После выхода из воды инородец обязан был бросить туда кусок меди, медные монеты. Зажиточные самоеды приносили в жертву воде своих оленей, которых топили живыми. Среди пришедшего населения также ходили слухи о языческих капищах (божницах), устроенных в труднодоступных глухих районах. Здесь шаманы проводились служения. Так, после удачной звериной ловли остяки приносили своим богам в жертву шкурки, ежегодно сменяя старые подношения новыми. В случае неудачного промысла инородцы «мстили» богам: выносили идолов из капищ (специально оборудованных юрт) и рубили их на мелкие части. После раздачи остатков «наказания» своим старейшинам они изготовляли новых идолов, и цикл начинался сначала [1, с. 416-419].

Приверженность анимализму (теротеизму, зоолатрии) в своих верованиях инородцы объясняли преемственностью от предков. Наконец, в обрядово-сакральной деятельности после каждой неудачи на промыслах казымец часто обещался принести жертву божеству. Таким образом, коренное население, главным образом остяки и самоеды, верили в земных и водных богов (духов), считавшихся покровителями промыслов. Подношения и жертвоприношения инородцев в святых местах напоминали культ друидов. Нередко промыслы становились объектами сюжетов рассказов, песен. В народных произведениях инородцев сатирико-юмористического содержания высмеивались хвастовство, неудачный промысел, отсутствие смекалки и сообразительности, а также другие негативные моменты и качества [2, с. 93; 3, с. 92-99, 106; 4, с. 57-58; 5, с. 215; 6, с. 112].

Рисунок 4. Зимний самоедский чум из оленьих шкур [4]

Сам выбор святых мест также производили во многом благодаря промыслам. Так, для освящения какого-либо места требовалось, чтобы на протяжении нескольких лет охота здесь была удачной. В отличие от личных (единичных), публичные (массовые) жертвоприношения совершались гораздо реже. Как правило, их проводили из-за «всенародных бедствий»: неприятных для инородцев государственных нововведений, приезда чиновника, а также по итогам общеплеменной охоты. В этом случае инициатором являлся шаман, манипулировавший умами соплеменников и пользовавшийся их легковерностью. Он склонял сородичей на внушительное жертвоприношение, собирая к передвижному капищу (юрте) богатых оленеводов со своими стадами и остальных инородцев (Рис. 4, 5, 6). Для совершения обряда разводили большой костер, около которого происходило камлание шамана. После соблюдения всех правил шаман подавал знак, и жертвенных оленей расстреливали из луков, добывая копьями. Участники поедали мясо, пили кровь и окропляли ею деревянных идолов. В завершение праздника кожи животных развешивали на деревьях, окружавших капища [3, с. 106-109].

Рисунок 5. Зимняя бревенчатая юрта самоедов [4]

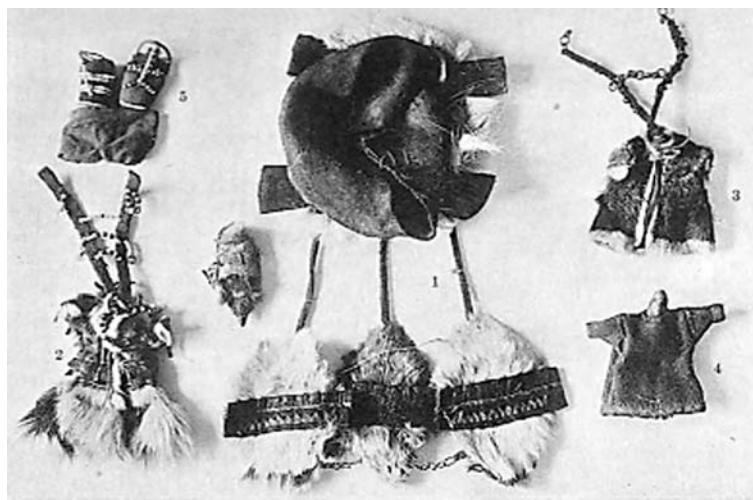

Рисунок 6. Летний самоедский берестяной чум [4]

Сакральное значение автохтоны вкладывали и в орудия промыслов. Например, самые «удачливые» стрелы вонзали в дерево с помощью лука. Этим обрядом выказывалось уважение и почитание богов, обитавших в данной местности. Иногда деревья после плодотворной рыбалки заворачивали «счастливым» неводом. При чем ветхость орудия лова для инородца служила свидетельством его былых заслуг и эффективности.

К религиозным предрассудкам относился запрет для женщин касаться охотничьих орудий независимо от их статуса и времени года. Суеверно считалось, что это приносит неудачу на промысле [Там же, с. 111]. Таким образом, продукты скотоводства и охоты, орудия лова, сами животные выступали неизменными атрибутами свадебных, погребальных и родовых обычаев.

На развлечения, игры автохтонов также накладывали отпечаток их занятия. У остяков были популярны танцы, движения в которых напоминали повадки оленей, жеребят, козлят и других животных. Предметы промыслов нередко присутствовали на важных церемониях, что служило доказательством искренности участников, их желания выполнить данные обещания. Например, при восшествии на престол очередного императора одним из предметов, на которых остяки приносили присягу на верность, обязательно была шкура медведя или медвежатина [10, с. 35]. Подобные клятвы, обеты, где главную роль играло медвежье мясо, существовали у большинства представителей коренного населения Сибири. Современники событий зачастую выражали сомнения в искренности таких ритуалов. Например, штаб-лекарь Г. Шавров, направленный в 1816 г. в Березовский округ для борьбы с эпидемией сифилиса, стал очевидцем культовых обрядов инородцев. Он пришел к выводу о несовместимости убийства и поедания мяса животных с небрежным отправлением культа, выявил противоречия в ходе самих церемоний (одновременно и почитание зверя, и унижение его качеств) [3, с. 78, 87, 100].

Игрушки самойдских детей. 1. Тройка оленей, запряженная в паргу. 2, 3 и 4. Куклы. 5. Люлька.

Рисунок 7. Игрушки детей самоедов [5, табл. 11]

Применение продуктов промыслов находило отражение и в изготовлении художественных изделий, музыкальных инструментов: вышивки шерстью и оленьими кисами (для украшений обуви, верхней одежды, сумочек), резьба по кости, утиные косточки для подтягивания струн в самодельной домре, изготовление курительных трубок из моржового зуба и пр. (Рис. 8). Художественно-декоративное искусство и промыслы были взаимосвязаны. Для этих целей в основном использовалась кость: изготавливали костяные пластинки для ручного лука, ружейные пороховые мерки из оленьего рога, костяные ножи для разделки крапивных волокон, чеканки для выделки орнаментов на бересте, принадлежности оленьей упряжи (дужки, пластины) и т.д. Во второй половине XIX в. вышивка шерстью являлась для остяков общераспространенным занятием. Украшались женские рубашки, сшитые из крапивного холста. Однако с появлением доступности для инородцев мануфактурных товаров в начале XX в. холст из крапивы был практически вытеснен из обихода коренных жителей, а вместе с этим перестала практиковаться и вышивка шерстью. Рубашки из крапивного холста с шерстяной вышивкой к началу XX в. встречались только на р. Салым в Сургутском уезде как пережитки времени [4, с. 127-129; 7, с. 10].

Шкуры оленей шли на изготовление практически всей одежды у большинства инородцев (самоедов, вогулов и остяков-оленевонов). Лишь в начале XX в. в поселениях, расположенных около русских населенных пунктов, начали входить в употребление изделия фабричного производства [4, с. 76].

В целом значение промыслов в жизни автохтонов Березовского уезда было намного шире, чем предполагалось обычно. Помимо материальной составляющей (еда, одежда и др.), традиционные занятия инородцев накладывали отпечаток на духовную культуру. В частности, это касалось:

1. Совершения религиозных обрядов, сакрально-мистических действий:
 - на удачу перед предстоящей охотой или рыбалкой, в благодарность после промысла;
 - при выборе животного для поклонения и изготовления тотемов, использования символики в ритуалах шаманов;
 - суеверия, связанные с эксплуатацией орудий лова.
2. Объектов народного фольклора (рассказов, песен, стихов).
3. Творчества (развлечений, игр, создания музыкальных инструментов, художественно-декоративных изделий и детских игрушек) (Рис. 7).

